

Крюковский сельсовет в Еловском районе Сарапульского округа по коллективизации идет на первом месте. Там колхозники составляют 59 процентов к общему числу населения сельсовета. Из 376 хозяйств 223 объединены в **сельхозартель «имени Калинина»**.

Средний процент коллективизации, конечно, в значительной степени колеблется по отдельным селениям и земельным обществам сельсовета, точно отражая разницу экономической мощности населения.

По налоговым данным прошлого года средняя доходность от сельского хозяйства по южному обществу Крюковского села исчислена в 139 руб. на хозяйственный двор, а по северному – Крюкову эта доходность определялась в 203 рубля.

Эта заметная разница в доходности от сельского хозяйства двух обществ одного села совершенно отчетливо отразилась в цифрах коллективизации.

В южном Крюкове коллективизированное население составляет 72 процента, а в северном колхоз охватил лишь 37 процентов.

В маленьких поселках процент коллективизации почти безошибочно можно определить на глаз.

В «Рассвете», например, даже проходя мимо, видишь, что два дома из шести не могут состоять в колхозе, цифры это точно подтверждают – 46,6 процента коллективизированного населения.

Тихий сапой

Такая пестрота процента коллективизации показывает, что в Крюковском сельсовете как раз теперь самый ответственный момент борьбы за средняка между беднотой и зажиточной частью деревни. Там, где беднота сильнее и численно больше, она сумела вовлечь в колхоз средняка чуть не полностью. Но есть селения, где зажиточная часть крепко держит средняка около себя и в то же время наступает на колхозников. Это наступление однако так ловко замаскировано, что с первого взгляда его не заметишь.

По внешности в сельсовете самая мирная, дружная жизнь и работа. На колхозных лугах только одна особенность, что здесь люди копошатся большими группами, когда единоличник «царапается в одиночку» - семейными ячейками. Но он тут же, рядом. Не обойден ни местом, ни качеством луга, хоть при случае не прочь пожаловаться.

– Единоличнику ноне ходу нет, колхозы все од себя забрали.

Жалоба совершенно зряшная в условиях Крюковского сельсовета. Стоит взглянуть на хлебные поля, чтобы в этом убедиться окончательно. Если в других местах области колхозы широко воспользовались предоставленными им льготами по выбору земельного пласта, то здесь и этого нет.

«Ветерок, с того берега»

Земля приближена раньше путем организации мелких поселков. В этих поселках на ряду с колхозниками есть и единоличники. Получили они землю в том же поселковом пласту. Какой-нибудь удаленности земельного участка в таких условиях быть не может. В шестидворке «Рассвет», например, земли единоличников и колхозников одинаково «в окна глядят». **Природные качества земли здесь на редкость однообразны и разницы с этой стороны тоже нет. Преимуществ машинной обработки земли у колхоза, организованного лишь в нынешнем году, еще незаметно, поэтому в хлебах по первому взгляду не разберешься.** Колхозные и единоличные по нынешнему году одинаково хороши. Местами лишь встречаются полосы засоренного хлеба.

И вот когда идешь около таких засоренных хлебов, то начинаешь различать глухой гул глубокой подземной работы.

— Хлеба-то, вишь как засорили. Не разберешь – не то пшеница, не то поляк.

— Не было ведь у нас поляка... с девятипольем приехал... гостенек неожиданный, непрошенный...

Это говорит бедняк-колхозник **Поварницын Ф. П.**, с которым пришлось бродить по полям дер. Полуденки.

По отзыву «производственных мужиков», **Поварницын** сельский хозяин невысокого качества. **«Больше около Камы да на лесозаготовках занимается».** Это же подтверждает и окладной лист по сельхозналогу, где за прошлый год у Поварницына значится 39 р. 07 к. – от сельского хозяйства и 500 руб. – от побочных заработков.

Но все-таки этот крестьянин раньше вел свое хозяйство и должен знать отчего появляется «поляк» (овсюг) и как его уничтожать. Об этом однако ни полслова. Бывалый и довольно грамотный человек заладил одно: «По нашим местам непригодно девятиполье».

Ясно, что это перепев чужой песни.

Присматриваясь к отдельным поступкам Поварницына, начинаешь видеть, откуда это идет.

Иждивенец Кулачков

Из Крюкова он вез «пудишко мучки, перехваченной по-родственному», коробок, для поездки, как оказалось, брал не в колхозе, а у «своего приятеля-середняка». На обратном пути останавливался в Березовке «переговорить о картошке». Тоже с частником. При чем, возвращаясь с переговоров, он неосторожно блеснул сквозь дырку мешка стеклом бутылки. Ослонявленные губы показывали, что успел уже и приложиться.

Как видно, Поварницына осуждают не одной картошкой и мучкой. Попутно, конечно и заряжают. По внешности против девятиполья, а по сути против колхоза, который не может и не должен оставаться на исторической двухполке.

Водка—испытанное оружие классового врага—пускается в ход и в «массовом масштабе». Недаром к председателю сельсовета т. Драчевой лезут за удостоверениями, что «перекупкой и продажей не занимался и не занимаюсь». Оказывается, на случай провоза водки из района. Удостоверений, конечно не дается, но водка все-таки появляется в «массовом масштабе и как раз в самое горячее время».

30 июля на собрании актива артели, несмотря на позднее время—утро следующего дня – пришлось поставить вопрос о дисциплине в колхозе. Вызвано это «стихийным бедствием» – пьянством руководителей производственных участков, которое началось «поздравкой с зеленым сеном единоличников».

Вышло, что единоличник действительно уже с зеленым сеном, а колхозники свое поставили под большой риск.

Строгие предложения об исключении из колхоза тоже, пожалуй, были на руку той части, которая ведет борьбу с колхозом.

Эта часть великолепно учитывает свойства тихой сапы. На глазах у ней в **Плишкаринском сельсовете**, Еловского же района совсем исчез нацменовский (чувашский) колхоз из переселенцев. Приехали колхозом, а потом – кого выключили, а кто и сам ушел, и в результате – не стало. В плишкарях, правда, действовал исключительно ловкий агент – поп, перешедший на крестьянское положение. Ему районные работники поверили, приняли его на обычном положении переселенца, а потом начались мелкие недоразумения и дразги в колхозе, началось применение дисциплинарных мер, а попа не задели.

Это свойство тихой сапы.

Слепота на хорошие поля и ненормальные нормы

Когда активисты Крюковской сельхозартели «имени Калинина» производили приблизительные подсчеты по распределению урожая, неизбежно встали перед ними два основных вопроса: во сколько принять средний урожай с гектара и сколько на едока и голову скота.

Тут на первый план совершенно отчетливо и ярко, выступили мелко-собственнические привычки недавних колхозников.

Чуть не поголовно все начали вспоминать отдельные участки, которые почему-нибудь не удались. Начался разговор об «изгари», о засоренности, о редниках. Случайному посетителю этих полей, пожалуй, их и не найти, целыми километрами видишь рожь ровень с человеческим ростом, тяжелоколосную пшеницу, метровый лен, лохматый густой ячмень. Но все это как-будто забыто большинством колхозников и на бумагу кладутся жалкие цифры – 6 центнеров ржи, 6 – овса и т. д.

Ссылаются при этом на данные экспертной комиссии, но что после этого произошла полоса дождей, совершенно изменивших виды на урожай, – это тоже забывается.

Только после усиленного напоминания со стороны руководителей колхоза цифры начинают подниматься в гору: по ржи до 8,1 центнера с гектара, по овсу до 9,7 центнера, по пшенице и ячменю – до 16,2 центнера.

Еще отчетливее это собственническое устремление проглянуло, когда дошли до вопроса: сколько на едока в год ставить. Тут уже сразу «вовлекаются в обсуждение широкие колхозные массы». В правлении артели, в сельсовете и на поемных лугах пошли разговоры об этом. Кой-кто успел уж прицепить к этому «подходящий» ярлык: «на паек, слышь, хотят ставить». Этот чужой разговор подхватили и в оборот речи вошел паек, а с ним и «требование поставить полностью, по-городскому – всего давать «как там».

Размер «пайка» определялся в чудовищных цифрах 2,5 центнера на едока в год отвергались. Приводились примеры исключительной прожорливости «за день около 4-х кило с’едает, как ему жить».

Один из колхозников даже развел целую теорию «о расширенном желудке крестьянина» и подтверждал ее примером из жизни Красной армии. Там сначала новобранцу-крестьянину (с расширенным-то желудком) не хватало будто бы хлебного пайка, и лишь потом он входит в норму.

«Волчьи аппетиты»

Люди забыли, что дело идет только о том, как бы не просчитаться, и откровенно старались «урвать побольше для себя». Только вот когда кто-нибудь для убедительности начинал выкладывать фактические цифры, то определенно выступала несостоятельность запросов.

Один, например, многосемейный бедняк, тоже находивший цифру 2,5 центнера на едока недостаточной, привел такую справку.

В течение года он с семьей израсходовал на питание:

пшеницы – 6,1 цент.

ячменя – 3 цент.

ржи – 1,3 цент.

да приработал еще мукой 1,2 цент.

Всего выходит 11,6 цент.

А когда ему раз’яснили, что на семью в 6 человек рассчитывается оставить **15 центнеров**, он смущенно согласился: «так-то хватит», но и тут еще оставил лазейку для возражений:

– Не на все ведь у меня считано было, может много больше с’ели.

Этот разговор о «ненормальных нормах» и усиленное раздувание его на завалинках и по зауголкам говорит все о том же – классовая борьба в деревне идет теперь в скрытой форме.

Прямых выступлений нет, но ни одного случая не пропускается, чтобы растравить мелкособственнические привычки недавнего колхозника, вооружить его против всякого новшества, испугать ограничительными требованиями, и все это подать в виде дружеской беседы за бутылкой водки.

На этих вот «дружках колхозов» и должно быть сосредоточено главное внимание. Изолировать от них неустойчивую часть колхозников, разоблачить вредительскую работу – теперь первая задача колхоза.

Ведь все-таки нет-нет да покажут такие «дружки» свое настоящее лицо.

Недавно, например, в деревне Норочьей один «постоянный читатель «Крестьянской Газеты», Высоков П. В. выехал на колхозный пласт пахать там «свои собственные пары». Сделал это с номером газеты в руках, но его все-таки осудили, так как установлено, что он читал «только в свою пользу», а то, что ему не нравилось, старался не замечать. Подбивал выехать на поля в это же место и других единоличников, но те оказались дальновиднее.